

Цветы
Форкосиган-Вашнуя

Грузовой флайер, делая разворот, чуть накренился. Вадим Самми, смотритель зоны, не отвлекаясь от управления, постучал пальцем по стеклу иллюминатора, показал куда-то вниз и сказал:

— Пролетаем над границей зоны отчуждения, леди Форкосиган. Гляньте!

Катриона присмотрелась. Позади, на расстоянии нескольких километров, остались чисто убранные поля и разбросанные то тут, то там фермы. Теперь же под флайером простирался бурый ровный ковер родной, барраярской растительности вперемешку с островками зеленых растений, завезенных с Земли, — деревьями и кустами, сквозь которые временами посверкивал неширокий ручей, извивавшийся по лугам да заболоченным полянам.

— Как мы узнаем об этом? — спросила она пилота.

Ее муж, Майлз, который тихо сидел в течение всего получасового полета от столицы Округа, Хассадара, наклонился над спинкой ее кресла.

— Там предупреждающие таблички. На столбах и деревьях, каждые десять метров, по всему периметру зоны, все двести километров. В служебные обя-

занности зрителя, кстати, входит ежегодный обход периметра с замером радиации. И восстановление табличек — если те вдруг упадут или испортятся.

— Каждый год мы перевешиваем их на несколько метров в глубь зоны, — сказал Вадим. — А это кое-что да значит.

— И что, эти таблички препятствуют проникновению людей в зону? — спросил Энрике Боргос, сидевший рядом с Майлзом.

Катриона с сочувствием посмотрела на ученого, экспатрианта с Эскобара.

— Тут вот в чем фокус, — объяснила она терпеливо. — Когда не видишь реальной опасности, она мерещится тебе отовсюду. Воображение рисует яды там, где их нет и в помине.

Энрике, почесав кончик носа, кивнул.

— Но я бы все равно предпочел иметь счетчик радиации, — сказал он.

Майлз пожал плечами.

— Таблички десятилетиями справляются со своими обязанностями. Ну, по крайней мере старики знают, что это такое. А вот молодежь...

Он моргнул и, задумчиво посмотрев вниз, закончил:

— Мы собираемся строить стену. Прогресс, так сказать...

— Но, если Энрике удастся реализовать свой проект, стена не понадобится, — сказала Катрин.

Майлз вздохнул:

— Наверное...

И, спустя мгновение, воскликнул:

— Вадим! Поднимись повыше и сделай разворот над городом. Мне кажется, Катриона так близко его еще не видела.

Вот именно! Несмотря на то что Катриона прямо участвовала в проекте Энрике и фактически все свое время проводила в хассадарской лаборатории, в зоне, где шел эксперимент, она еще не была. Майлз явно лицемерил, убеждая ее, что заботится только о ее безопасности; она же его вышучивала. Впрочем, этот пунктик они уже прошли. А проблему детей они решили успешно и были в этом единодушны: дети оставались в Хассадаре с няней, в высшей степени квалифицированной.

— Выполняя, лорд Форкосиган! — отозвался Вадим, и флайер пошел вверх.

Катриона изучающе смотрела на Вадима. Тот уже несколько недель работал с Энрике в поле, но она до сих пор не встречалась со зрителем. Стройный, чуть выше среднего роста, чисто выбритый и аккуратно постриженный. Лет — чуть меньше тридцати. Лицо его было словно вырублено из камня, сплошные углы и жесткие поверхности, но карие глаза таили тепло, а еще в них крылось легкое беспокойство, вызванное присутствием лорда и леди Форкосиган. Как понимала Катриона, зрителем он служил уже лет десять. Как растолковать ему, что своей преданностью Округу Форкосиган он давно заслужил уважение своего начальства и в этом смысле ему не стоит ни о чем беспокоиться. Впрочем, Майлз до конца дня и сам ему все объяснит — в этом сомнений быть не могло.

Под ними проплыла длинная гряда холмов, тянувшихся с северо-востока на юго-запад, и наконец их глазам открылся город Форкосиган-Вашнуй. Катриона смогла определить его контуры лишь по изгибу реки, делившей город напополам, да по вздыбившимся над морем растительности холмам — это были руины зданий, поросшие теперь бурными кустами, плотно переплетенными плющом и лианами.

— Мне было, я думаю, лет десять, когда мой дед, граф Петер, показал мне это место с воздуха, — вспоминал Майлз, глядя через стекло иллюминатора вниз. *Двадцать пять лет назад*, подсчитала про себя Катриона.

— Повсюду были эти большие полосы спекшейся стекловидной массы, которые, как утверждали очевидцы, светились по ночам голубым, — продолжал Майлз. — Хотя, возможно, это всего-навсего байки. Потом все это заросло кустарником, было засыпано пожухлой листвой. Ничего не осталось.

Катриона присмотрелась к простирившейся внизу поверхности — там ничего не светилось, разве что блики на воде. К тому же, что особенного разглядишь в дневном свете?

— Большой был город? — спросил Энрике, приложив ладонь к поверхности иллюминатора. В этом мире ученый чувствовал себя новичком.

— Население — чуть больше четверти миллиона, — произнес Вадим тоном экскурсовода, которым ему, как поняла Катриона, частенько приходилось бывать, когда он сопровождал визитеров. — И это не-

мало, тем более что не так давно закончился Период Изоляции.

— Немало и по современным стандартам, — добавил Майлз. — Около двухсот тысяч погибло в первые мгновения после атомной атаки Цетаганды. Еще пятьдесят тысяч — в последующие недели и месяцы, хотя я не думаю, что кто-нибудь специально подсчитывал жертвы и заботился о точности сводок.

Да, катастрофа постигла их восемьдесят лет назад. Были еще войны, но именно нападение Цетаганды вошло в сознание барраярцев как Большая война, как величайшее испытание, которое пришлось вынести Империи.

— Там осталась вся семья моего деда, — продолжал Майлз. — Оба родителя, все братья, кому удалось выжить, куча кузенов и кузин. По сути, это был наш Военный совет, почти в полном составе. К ним должен был присоединиться Принц Ури, но на севере шли бои, и он не мог оставить армию. Хотя историки не считают, что цетагандийская гем-хунта метила исключительно в него. Им нужно было убить нас всех.

Криво усмехнувшись, лорд Форкосиган закончил: — И, я думаю, они были по-своему правы.

Что и доказала красноречиво вся последующая история героических деяний генерала графа Петера Форкосигана. Катриона даже не знала, радоваться ей или жалеть, что она встретила Майлза уже после того, как эта легендарная личность завершила свое существование.

— Отец говорил, что никогда не видел, чтобы бабушка устраивала мемориальный костер в честь по-

гибших членов нашей семьи, — задумчиво продолжал Майлз. — Я, кстати, тоже. Как-то, когда мне было десять лет и любопытство меня просто распирало, я спросил отца, отчего это так. И он ответил...

Майлз сделал паузу, показал на плывущие под днищем флайера заросли и произнес:

— Ответил, что здесь и так было достаточно огня.

Вадим, горько усмехнувшись, кивнул. А интересно, подумала Катриона, были ли у зрителя предки, сгоревшие на этом атомном костре? И какие истории рассказывали мальчишке в его десять лет? Он ведь делает работу, на которую не так уж много претендентов.

Майлз, выждав паузу, заговорил вновь — все призывали к его паузам.

— Так или иначе, — сказал он, — после того как война закончилась и мы вышвырнули врага с этой планеты, мой дед вступил во владение всей зараженной зоной. Как графу, ему по закону принадлежали общественные здания в Хассадаре, а также имение Форкосиган в Форбарр-Султане. Но здесь земля стала его личной собственностью, хотя до катастрофы он не имел к ней никакого отношения и не мог ее ни от кого унаследовать. Я думаю, он просто выкупил эти места у кого-то из владельцев, переживших катастрофу. Тогда это выглядело как акт благотворительности по отношению к пострадавшим, причем, делая это, дед ни в чем не унизил их достоинства. Когда же старик умер, вся эта зона по его завещанию перешла ко мне. Мне было всего семнадцать, и я немного комплексовал по поводу...

Он сделал неопределенный жест, как бы обводя контуры своего тела — сутулый коротышка меньше пяти футов ростом.

— ...по поводу своей внешности. Подарком считать это было нельзя, тем более никто и не предполагал, что зона вновь станет обитаемой в течение жизни моего отца. Но, чем старше я становлюсь, тем меньше мне понятно, о чем я тогда действительно думал.

Что до Катрионы, то ей это было тем более непонятно. Но вряд ли старик был настолько слеп, чтобы не видеть, как в его травмированном единственном внуке развивается мощный интеллект. И большое, доброе сердце. *Сияющее*, как определил кто-то, рассказывая о лорде Майлзе Форкосигане. *Может быть, повинясь голосу своей любви, Петер решил передать свои израненные земли в руки того, кто, как он думал, сможет вдохнуть в них жизнь? Может, он просто отдал должное твоим способностям?* А, может быть, она просто-напросто самым глупым образом влюблена в него и не способна к трезвому суждению — даже после четырех лет замужества! Катриона улыбнулась и посмотрела на ленту реки, несущей свои воды на восток.

Река, извиваясь среди буйной растительности, уносила к морю все новые и новые порции радиации. К востоку от Округа Форкосиган, в соседних областях, до самой дельты, воду из реки пить было нельзя. *А, может быть, так будет не всегда? Возможно, нынешнее поколение Форкосиганов сможет что-то сделать?* Катриона выпрямилась и присталь-

но посмотрела вперед. Флайер вновь пошел вниз и, совершив вираж, перевалил через гряду холмов, которые в союзе с розой ветров когда-то спасли земли, находящиеся к западу, от радиоактивного заражения и гибели.

— Какого черта?

Майлз, вытянув шею, взгляделся в простирившийся под ними ландшафт и нахмурился.

— Вадим! Что там такое?

Смотритель посмотрел вниз.

— Мусор, как я полагаю, лорд Форкосиган.

Катриона проследила за их взглядами. Флайер опустился еще ниже.

— Мне это уже не нравится, — сказал Майлз. — Возможно, все-таки придется ставить ограду. Хотя для флайера забор не помеха.

— Я не думаю, что там кто-то приземляется, — покачал головой Вадим. — Они могут просто сбрасывать мусор из грузового люка. Или через пассажирский люк, если это обычный транспорт, не грузовой.

— Да, отсюда и разброс, — проговорил Майлз. — Надеюсь, особого вреда это не нанесет. Хотя и мириться с этим нельзя.

— Оскорбление величества? — улыбнулась Катриона, которую несколько позабавила реакция мужа.

— Скорее надругательство над могилами.

Катриона, согласно кивнув, опустила глаза.

Через несколько мгновений флайер скользнул вниз и приземлился на краю луга, граничащего с лесным массивом. Пассажиры принялись натягивать защитные костюмы. Поверх своей обычной одежды

Майлз и Катриона надели одноразовые комбинезоны, Энрике и Вадим — рабочие защитные костюмы. Гибкие резиновые бахилы и лабораторные перчатки довершали облик членов экспедиции. Майлз не без волнения смотрел, как Катриона натягивает шлем и застегивает маску — простой полуцилиндр из прозрачного пластика с фильтрующим механизмом. Она, улыбаясь с ехидцей, посмотрела на мужа и проследила, как тот обходится со своими средствами защиты. В конце концов, готовый уже спрыгнуть на землю, он вспомнил о трости и, ухватив ее за набалдашник, замотанный в два слоя защитными перчатками, неловко сжал ее пальцами. Все проверили дозиметры и спустились на луг.

Катриона кивнула на дозиметр, висящий у Вадима на пояском ремне.

— А что, когда набираешь допустимую дозу, — спросила она, — то карьере смотрятеля конец?

Вадим пожал плечами:

— С годами это становится не так важно. Да и со средствами восстановления сейчас получше. Надеюсь, мне удастся достаточно долго не переступить красную черту.

— *Технически*, — вмешался в разговор Майлз, — я перешел эту черту в самой середине своей работы в космосе. Но к этому не стоит относиться слишком уж серьезно, не то вообще ничего сделать не сможешь. Хотя сейчас наши уже всюю используют методики очистки генома.

Вадим сочувственно кивнул, показав, что разделяет гибкие представления своего босса о протоколе